

УДК 82.091"18"

ПЯТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЦАРСКУЮ РОССИЮ

Р. В. Гурский

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье сопоставляются дорожные заметки пяти литераторов, побывавших в Российской империи примерно в одно и то же время: Астольфа де Кюстина, Теофиля Готье, Александра Дюма, Джереми Кёртина и Марка Твена. Особое внимание уделяется почти неизвестной в российском литературоведении фигуре Джереми Кёртина – американского этнографа, лингвиста и фольклориста.

Ключевые слова: Джереми Кёртин, Астольф де Кюстин, Теофиль Готье, Александр Дюма, Марк Твен, дорожные заметки.

В 30–60 гг. XIX века многие иностранные литераторы побывали в России. Остроумный и язвительный аристократ Астольф де Кюстин, литературный критик, художник, прозаик и поэт Теофиль Готье, прославленный романист и драматург Александр Дюма, дипломат, лингвист и собиратель фольклора Джереми Кёртин (*Jeremiah Curtin*), молодой журналист Марк Твен – и всех объединял интерес к огромной империи, желание рассказать соотечественникам о своих впечатлениях. В данной статье предпринимается попытка сопоставить дорожные заметки названных авторов, путешествовавших по России приблизительно в одно и то же время.

Наименее известен у нас Джереми Кертин (1835–1906), хотя он не только путешествовал, но и прожил в России восемь лет, с 1864 по 1872, будучи секретарем американского посольства в Петербурге. Позднее он прославился как переводчик романов Сенкевича, но англоязычная аудитория столь же высоко ценила выполненные им переводы Загоскина, А. К. Толстого, Пушкина. Всю жизнь Кертин был неутомимым исследователем, за годы научной и литературной работы сформировавшим собственный метод изучения национальных культур. Кертин осваивал языки, общался с местными жителями, погружался в историю, читал и переводил классическую литературу. Он не столько изучал, сколько обживал новую для себя среду. Поэтому его путевые очерки, собранные в книге мемуаров [5], особенно ценны своей достоверностью и пониманием российского менталитета.

Астольфа де Кюстина российский читатель знает прежде всего в качестве автора книги «Россия в 1839 году» [3]. Этот сборник писем вышел во Франции в 1843 году, сразу же был переведен на английский и немецкий языки и принес маркизу европейскую известность. За два летних месяца Кюстин побывал в Петербурге и Москве, составив противоречивое, в основном негативное представление о России, где «люди бедствуют больше всего на свете, страдая от тягот варварства и цивилизации одновременно» [3, с. 428]. Хотя книга была запрещена, ее прочла вся российская интеллигенция, мнения которой разделились. Одни считали книгу пасквилем, другие увидели в ней хоть и досадную, но во многом верную критику тогдашнего государства и общества.

Популярность кюстиновской «России» составитель и редактор первого полного перевода Вера Мильчина объясняет двумя особенностями: идеологическим

экспериментом и афористичным стилем. Будучи монархистом, Кюстин отправился в Россию, чтобы найти подтверждение своим взглядам, но разочаровался. Из России он вернулся противником абсолютизма и «сторонником представительного правления как наименьшего из зол» [Там же, с. 484]. Все, о чем написал Кюстин, было, конечно, известно русским современникам, – и разрыв между народом и властью, и обманчивость парадного блеска российской жизни. Читателя привлекла резкая и отточенная форма кюстиновских писем – никто ранее, при том, что в Европе сложилось определенное восприятие России, не называл ее «царством фасадов» и не был столь увлекателен и неоднозначен в своих описаниях, как Астольф де Кюстин.

Совершенно иной рисует Россию в своей книге очерков Теофиль Готье [1]. Именно рисует, поскольку читателю открываются наблюдения художника, которого привлекает живописная, вещественная сторона действительности – от панорам сельской и городской природы до тщательно детализированных портретных и архитектурных зарисовок. Готье пытается запечатлеть время во всех подробностях – но никакой политики. «Путешествие в Россию» – произведение о повседневной жизни русских в интерпретации дружелюбно настроенного наблюдателя с утонченным художественным вкусом.

Книга состоит из корреспонденций, отправленных автором во французские газеты и журналы за время двух путешествий по России в 1858–1859 и в 1861 году. Сначала Готье посетил Петербург и Москву, затем побывал на Волге. Подобно Кюстину, он писал прямо в дороге о сиюминутных впечатлениях, делая как бы снимок увиденного, но, в отличие от маркиза, который едва касался культуры, Готье интересовался сугубо этой темой, до мелочей описывая многие реалии того времени – устройство дрожжек, наряд мужика, Щукин двор, петербургские театры... Его первое путешествие было посвящено сбору материалов для серии альбомов «Художественные сокровища древней и новой России», однако начатое в 1861 году издание завершить не удалось. Не меньше чем искусство, Готье занимала городская жизнь русских. В его заметках рассказано не только о столицах, но и о таких городах, как Ярославль, Тверь, Кимры, Углич, Рыбинск.

Отправляясь во второе путешествие по «империи царей», Готье осуществлял давно мучившую его мечту: «А можно ли жить, не повидав Нижнего Новгорода?» [Там же, с. 349]. Художник хотел посетить знаменитую Нижегородскую ярмарку и потому выбрал более надежный, хотя и долгий, путь по воде. В Твери, откуда начался волжский вояж на пароходе «Русалка», Готье пробыл весь вечер и следующее утро. Здесь он гулял по лучевым улицам и набережной, где поразился несоответствию изящного женского наряда и грубой одежды мужика. «Нигде крайняя цивилизованность, – пишет он, – и примитивное варварство не достигают такого разительного контраста, как здесь» [Там же, с. 353]. Кюстин подмечает социальные контрасты, а Готье поражают эстетические.

Однако в целом «Россия» Готье – уютная, привлекательная, с особым пейзажем и колоритом страна, где автор повсюду умеет разглядеть красоту.

В это же время, в 1858–1859 годах, по Российской империи путешествовал Александр Дюма, который проделал «три тысячи лье по стране и по ее истории, не переводя дыхания и не утомляясь» [2, с. 21]. Эта формулировка Дюма-младшего в письме к Жорж Санд очень точно характеризует трехтомник Дюма «Путевые впечатления. В России». Знаменитого романтика и романиста привлекала русская история как богатый поэтический материал, а протяженное путешествие давалось необыкновенно легко. Дюма то и дело удивляется и возносит хвалы русскому гостеприимству. Многие путевые главы он пишет в дороге и отправляет в свой па-

рижский журнал «Монте-Кристо». По возвращении выпускает собрание очерков в нескольких изданиях, дополняя каждое последующее. Полный текст книги выходит в 1865 году.

Маршрут Дюма поражает размахом: Париж – Берлин – Штеттин – Кронштадт – Санкт-Петербург – Москва – Елпатьевск – Калязино – Нижний Новгород – Казань – Астрахань – Саратов – Кизляр – Дербент – Баку – Тифлис – Потти – Трапезунд – Марсель.

Российскую историю Дюма изучает по работам различных исследователей, в том числе Карамзина, и оживляет в очерках, пересыпая анекдотами и перемежая путевыми главами. Ему важно, придерживаясь фактов, сделать ее захватывающей, как свои романы. Очерковый метод Дюма – история в историях. При этом одна из ценных особенностей трехтомника – в том, что он содержит переведенные с подстрочника стихи Пушкина, Лермонтова и Рылеева, которые, будучи запрещенными в России, были впервые опубликованы в Европе. Благодаря этим стихам и собственным комментариям, автор «Трех мушкетеров» предал международной огласке казнь и сибирскую ссылку декабристов.

Россия в работах Дюма предстает огромной страной с великой историей, где цари показаны не только как могущественные самодержцы, но и как обычные люди – со своими привычками и слабостями. Писатель полемизирует с Вольтером, отказавшимся говорить о сыноубийстве Петра Великого, потому что это «недостойно потомков». «Но кто вам скажет, что их достойно? – спрашивает Дюма. – Расскажите все, потомки сами сделают свой выбор» [Там же, с. 176].

Через пять лет после путешествия Дюма, в 1864 году, в составе американского посольства в Россию приехал двадцатидевятилетний Джереми Кертин. О его жизни рассказано в мемуарах, которые он написал вместе с супругой Альмой Карделл-Кертин [5]. Простой паренек с гринфилдской фермы, романтик, одержимый жаждой познать «мир и множество народов, живущих в нем», выпускник Гарварда, изучавший юриспруденцию в Нью-Йорке, но не окончивший учебы, Кертин последовал своему призванию и отправился в Россию – видимо, чтобы не только сделать карьеру, но и углубить знание славянских языков. Примерно пятую часть «Мемуаров Джереми Кертина» составляют «русские» и имеющие отношение к России главы: «IV. Знакомство с Россией», «V. Московский банкет», «VI. Визит Фокса в Россию», «VII. Приключения на Кавказе», «XI. Свадьба и возвращение в Россию», «XII. Снова Кавказ», «XIV. Кавказский лес и ландшафт», «XLI. Экспедиция в Польшу и Россию», «XLVII. Встреча с Толстым», «XLIX. Сибирь, Япония и Китай».

В течение многих лет Кертин неоднократно возвращался в Россию и к русскому языку. Переводил Лермонтова, Загоскина, А. К. Толстого, Пушкина, а в конце жизни и Достоевского. Среди перечисленных путешественников он занимает особое место как исследователь и носитель американской, европейской и русской культуры. Он был странник и собиратель, не имевший собственного дома и кочевавший всю жизнь. С любым аборигеном, будь то крестьянин или царь, Кертин находил общий язык. В любом обществе умел быть своим. Русские друзья называли его Иеремией Давыдовичем.

Российскую империю Кертин изъездил вдоль и поперек. Жил в столицах и в провинции, любил Кавказ, путешествовал по Сибири в поисках фольклора. Свои мемуары составлял незадолго до кончины из дневников, беглых записок, газетных публикаций, и потому книга фрагментарна. Подобно Дюма, Кертин попутно рассказывает об исторических событиях, только короче и суше, отмечает русские традиции, обычаи, суеверия, бытовые детали. Делает скупые и точные портретные за-

рисовки в динамике (прием у Александра II, встреча с Л.Н. Толстым). Цитирует Лермонтова, Гете и других поэтов. Пытается не только рассказать историю местности, которую посещает, но и проанализировать и выявить ее особенности, понять законы, по которым живет многонациональная страна. Так, Кертин размышляет о значении Кавказа в Российской империи, о соединении различных народов на огромной территории России. О российской истории, отличной от европейской не только событиями, но и всей своей логикой. В то время как Англия удерживает доминионы за счет силы и дипломатии, Россия объединяет народы исторически и географически. Кертин отмечает феномен преданности нерусских, других народов России: «...атаман терекских казаков <генерал Мелихов. – Р.Г.> – самый русский из русских». Кертин пишет, что Кавказ для России важнее, чем Индия для Англии. Кавказ – естественный форпост на восточных рубежах.

Одна из особенностей кертиновских мемуаров – обилие диалогов. Раздумья об истории зачастую вложены в уста собеседников и соотносятся с действительностью. Как и все наши путешественники, за исключением Готье, Кертин касается политических вопросов. Под ними он понимает внутренние и внешние социальные отношения. Его записи изобилуют портретами случайных встречных, попутчиков, знакомых, приятелей, друзей, среди которых немало сильных мира сего и людей искусства.

В 1867 году Кертин путешествовал вдоль крымского побережья на пароходе «Квакер-Сити». Он пишет: «...ни один европейский монарх не принял бы американских туристов с “Квакер Сити” так, как русский царь... Александр II не привечал бы других гостей так радушно. Вместе с американцами императорская семья приветствовала Америку... На борту “Квакер Сити” был мистер Клеменс (Марк Твен), который по возвращении домой издал юмористическую книгу “Простаки за границей”» [5, с. 135].

Марк Твен не упоминает Кертина в своей книге, но согласен с ним и с другими авторами «путешествий», что Россия гостеприимна к иностранцам. «...царская фамилия, – пишет он в «Простаках за границей, или Пути новых паломников», – несомненно, считала, что, принимая нас, она может выказать свое отношение к народу Америки... И мы так и поняли их приветливость, поняли, что она адресована не лично нам. Но не скрою, каждый из нас был преисполнен гордости оттого, что его принимают как представителя нации...» [4, с. 318]

Твен отправился в круиз в качестве корреспондента калифорнийской газеты «Альга». За время путешествия он послал около шестидесяти репортажей в форме путевого дневника. Они имели большой успех, даже нью-йоркские газеты перепечатывали их, а вернувшись на родину, автор «Простаков» получил предложение от крупного издательства выпустить книгу. В ней отразилось отношение представителей молодой предприимчивой нации к «обветшалой» Европе, как «царству смешных условностей». Конечно, позиция «простаков» была юмористической маской, но для раннего Твена характерна вера, хотя и сниженная иронией, в исключительность и передовую позицию своего отечества.

В России он побывал на черноморском побережье и написал о Севастополе и Одессе, которую «простаки» с радостью назвали американским городом, о Ялте и Ливадии. Делегацию с «Квакер-Сити» принимали в ливадийском дворце. Твен отметил скромность, радушие и простоту в обхождении. В его заметках нет утомительных исторических подробностей и длинных описаний, экзотики. Они психологичны и беспощадны к любым ритуалам. Отдав искреннюю дань уважения членам царской фамилии, юморист то и дело приговаривает после каждого приема, что те ушли пересчитывать серебряные ложки.

Несмотря на то что путешествие Марка Твена по Российской империи ограничилось несколькими приморскими городами, можно сказать, что его «Россия» радует глаз южной природой, рисует привлекательное человеческое лицо монарха, и вместе с тем в ее образе чувствуется насмешливо-проницательный взгляд американского «простака».

Таким образом, в рассмотренных путевых записях мы видим интерес и уважение к России (даже в замечаниях Кюстина) и слышим авторский голос: Кюстина – салонного остроумца и популярного писателя, Готье – тонкого художника и поэта, Дюма – исторического романиста с жизнеутверждающим взглядом вопреки трагичности многих избираемых сюжетов, Кертина – опытного дипломата, этнографа, внимательного наблюдателя, Твена – умного и насмешливого журналиста и сатирика. Любопытно, что все, кроме Твена, побывавшего только на морском юге империи, отметили контрасты русской жизни: соседство образованности и невежества, благополучия и упадка, чести и лицемерия.

Список литературы

1. Готье Т. Путешествие в Россию. М. : Мысль, 1988. 396 с.
2. Дюма А. Путевые впечатления. В России : в 3 т. Т. 1. М. : Ладомир, 1993. 448 с.
3. Кюстин А. Россия в 1839 году : в 2 т. Т. 1. М. : ТЕРА, 2000. 640 с.
4. Твен М. Простак за границей, или Путь новых паломников. М. : Правда, 1984. 560 с.
5. Memoirs of Jeremiah Curtin. Madison : State Historical Society of Wisconsin, 1940. 901 p.

FIVE JOURNEYS TO TSARIST RUSSIA

R. V. Gursky

Tver State University
the Department of THE history of Russian literature

The travel notes of five writers – Astolphe de Custine, Theophile Gautier, Alexandre Dumas, Jeremiah Curtin and Mark Twain – who visited Russian Empire almost at one and the same time – are compared in this article. Special attention is paid to the figure of Jeremy Curtin, an american ethnographer, linguist and folklorist, almost unknown to Russian literary criticism.

Keywords: *Jeremiah Curtin, Astolphe de Custine, Theophile Gautier, Alexandre Dumas, Mark Twain, travel notes.*

Об авторе:

ГУРСКИЙ Роман Васильевич – старший научный сотрудник Научно-образовательного центра комплексного изучения проблем романтизма Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Drian@list.ru.

About the author:

GURSKY Roman Vasilevich – the senior researcher of Scientific and educational center of integrated studies of romanticism, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Drian@list.ru.